

Три часа ночи.

Бай Муюнь с каменным лицом сидел на диване, слушая доносящиеся до него виртуозные пассажи.

«Рано или поздно я разнесу это чертово пианино в щепки. А заодно и Чу Цзяньцина поколочу», — в сотый раз пообещал себе он.

Всего несколько минут назад Бай Муюнь сладко спал, когда бешеный стук в дверь вырвал его из объятий сна. Едва сдерживая ярость и желание вышвырнуть ночного гостя за порог точным пинком, он открыл дверь.

— Юнь-гэ! Юнь-гэ, скорее! Ты должен послушать, какое вдохновение посетило меня во сне!

Чу Цзяньцин в одной пижаме, сияя от восторга, потащил за собой хмурого, как туча, друга.

«Спокойно, Муюнь, убийство — это статья», — мысленно уговаривал себя Бай, протирая лицо ладонями.

Гнев медленно остывал, сменяясь глухим раздражением. В конце концов, пуская Чу Цзяньцина на постой, он должен был предвидеть нечто подобное. Творческие порывы посреди ночи случались у того регулярно, и в такие моменты художнику жизненно необходим был слушатель.

«Боже, творческие люди — те еще психи. Если Цзи Бай в ближайшее время не найдет этому гению жилье, я лишу его годовой премии», — Бай Муюнь перенес свое недовольство на ассистента.

Опираясь локтем на спинку дивана, он лениво листал ленту в телефоне. Внезапно пришло сообщение от контакта с пафосным именем «Ослепительная Сяо Синъи»:

«База, база, я — Семерка. Прием, как слышно?»

Бай Муюнь удивленно приподнял бровь и напечатал:

«Ночные съемки?»

Ответ пришел мгновенно:

«Ага. А ты чего не спишь?»

Бросив взгляд на Чу Цзяньцина, который то бил по клавишам, то что-то лихорадочно черкал в нотах, Бай ответил:

«Только проснулся. Есть прогресс?»

«М-м, нашла нескольких пострадавших. Пока веду переговоры».

«Понял. Потрудились на славу, спасибо. Передай данные этих людей в юридический отдел, пусть профи ими займутся».

«Будет сделано! Не за что, зачистка мира от скверны — дело благородное. Ладно, меня зовут в кадр, до связи».

«Удачи».

Бай Муюнь открыл Weibo и зашел в свой суперчат. Как обычно — сплошные дифирамбы. Он невольно усмехнулся. Его внимание привлек пост блогера с ником «Яньюнь Шилю».

Этот аккаунт был из разряда «топовых». Яньюнь Шилю славился своим талантом к монтажу, его работы часто мелькали в фан-сообществе. Бай уже видел пару его роликов: тот мастерски склеивал фрагменты из разных фильмов, создавая совершенно новые истории.

В новом видео, которое Муюнь открыл из любопытства, автор объединил его образы из исторических дорам. Получилась цельная притча о великом мастере боевых искусств — от его выхода в мир до окончательного ухода в тень. Тональность, музыка, стыковка кадров — всё было на высоте.

«Талантливо, очень талантливо», — отметил про себя Бай Муюнь и поставил лайк, решив поощрить преданного фаната.

Лу Янь этой ночью тоже не сомкнул глаз. На экране его ноутбука прокручивалось видео. Будь здесь Чу Цзяньцин, он бы сразу узнал в персонажах на записи тех самых людей, с которыми Лу Янь сидел в баре несколько дней назад.

— Групповое употребление наркотиков, проституция... Если это всплывет, поднятый шум похоронит их заживо, — раздался из динамика телефона низкий мужской голос.

— Угу, — безучастно отозвался Лу Янь.

— Ты получил видео?

— Посмотрел.

— И что думаешь делать?

— Анонимный донос.

— ... Серьезно? А я думал, ты решишь прижать их к стенке и выкачать выгоду.

— Зачем мне пачкаться об этот мусор?

— У тебя же фильму денег не хватает.

Лу Янь помолчал.

— Оно того не стоит.

— Слушай, а чем они тебе так насолили, что ты потратил кучу денег, чтобы их прищучить?

— Просто не повезло наступить в кучу дерьма.

— Понимаю.

— Брат Сюнь.

— Говори.

— Помоги мне найти выходы на парочку скандальных СМИ. И... разыщи контакты жен этих господ. У меня есть для них парочка «подарков».

На том конце провода послышался смешок.

— Ладно, сделаю. Спи уже, мститель. Отбой.

— Спокойной.

Едва Лу Янь положил трубку, телефон звякнул уведомлением: «Ваша прелесть в сети!»

Он зашел в Weibo и увидел, что Бай Муюнь лайкнул его последний пост. Холодная маска на лице режиссера медленно растаяла, он мягко улыбнулся.

«Ты тоже не спишь?»

Утром Бай Муюня разбудил звонок. Нащупав телефон, он приоткрыл один глаз и ледяным тоном процедил:

— Надеюсь, причина этого «звонка с того света» достаточно веская.

— Вообще-то уже десять утра.

— И что, закон запрещает мне спать в десять утра?

Хуа Ваньцин, чувствуя, как через трубку сочится праведный гнев артиста, решила не испытывать судьбу.

— Скоро буду у тебя. Есть разговор.

— Жду, — Бай Муюнь коротко нажал на отбой.

«Я точно прибью Чу Цзяньцина», — это была последняя мысль перед тем, как он снова провалился в сон.

Когда Хуа Ваньцин наконец приехала, вид у неё был крайне озадаченный.

— Что с лицом? — поинтересовался Бай. — Запор мучает?

Менеджер закатила глаза:

— Тьфу на тебя! Сам ты... запор.

Бай Муюнь молча налил ей воды и сел напротив.

— Ну так что случилось?

— Ох... Помнишь, ты велел мне предложить инвестиции Лу Яню? Я связалась с его людьми. И

знаешь что?

— Отказался? — Бай спокойно отхлебнул воды.

— Да как ты... Кхм. Прямо в точку! Откуда ты знал?

— У тебя на лбу всё написано.

— И что же?

— «Ничего не понимаю», «чушь какая-то» и «невероятно».

Хуа Ваньцин вздохнула. Обычно она, как первоклассный агент, мастерски держала лицо, но рядом с невозмутимым Бай Муюнем позволяла себе расслабиться. С ним всегда было чувство, что даже если небо рухнет, он его удержит.

— Ладно, и что теперь скажешь?

— Не примет инвестиции — я не буду сниматься. Контракт всё равно не подписан.

Хуа Ваньцин застыла с открытым ртом.

— Что?! погоди, дай я логику прослежу. Один хочет дать денег, другой не берет. Первый заявляет: «Раз не берешь деньги, я ухожу»... Вы когда успели сойтись?

— Мы не сошлись.

— Не сошлись?! — менеджер была в шоке. — И ты просто так готов отвалить ему кучу денег? А он, зная, в какой дыре его проект, всё равно отказывается? Допустим, совесть заела, но ты-то с чего так расщедрился? Босс Бай, выйди на улицу и спроси: много ли людей, которых бросили, бегут спонсировать своих бывших?

Бай Муюнь снова промолчал. Позорно промолчал.

— Я хочу знать, что у тебя в голове, Муюнь?

— Это фильм, в котором я собираюсь играть. Я верю в проект. Что плохого в том, чтобы вложиться?

— Ты не видишь парадокса? Пару дней назад ты говорил, что если он не решит вопрос с

финансированием, ты умываешь руки. Прошло всего ничего, и ты не просто остаешься, ты сам несешь ему деньги на блюдечке. Ты головой нигде не бился? Память не терял?

Хуа Ваньцин даже наклонилась, пытаясь рассмотреть макушку актера на предмет шрамов.

Бай Муюнь откинулся на спинку дивана.

— Перестань. Здоров я. Как думаешь, почему он отказался?

— Стыдно стало?

Бай покачал головой.

— Вспомни, что он говорил, когда убеждал меня согласиться на роль.

— Что сценарий гениальный, что роль создана для тебя...

— Если проект гениальный, зачем мешать мне в него вкладываться? Инвестиции в хороший фильм — это прибыль. Чего тут стыдиться?

Хуа Ваньцин задумалась.

— Помнишь, говорили, что цензура может не пропустить фильм в прокат? Он боится, что ты прогоришь. Но если он так печется о тебе, зачем втягивать в сомнительный проект... Стой! Я поняла!

Она хлопнула в ладоши.

— В стране его могут запретить, но на западных фестивалях он соберет все награды! Прокат в Китае — твой основной доход, и он не хочет, чтобы ты рисковал деньгами. Но он хочет, чтобы ты взял международную премию, поэтому и звал. Так?

— Скорее всего.

— Но это же безумие! С чего он взял, что премия у него в кармане? Какая самоуверенность!

— Тебе это кажется бахвальством, — спокойно заметил Бай Муюнь, — но для него это лишь логический вывод из имеющихся данных.

Это прозвучало так весомо, будто Бай Муюнь озвучил непреложную истину.

Хуа Ваньцин посмотрела на него с подозрением.

— Послушай себя. Вы ведете себя не как бывшие, а как супруги со стажем, которые понимают друг друга без слов.

Бай Муюнь нахмурился, в голосе проскользнул холод:

— Глупости.

— Ага, конечно! — буркнула менеджер, не решаясь, впрочем, спорить открыто. — И что дальше?

— Награды меня не волнуют. Я готов отдать свой гонорар и добавить десять миллионов сверху в обмен на право правки сценария.

— Сценарий хорош, но я сделаю его лучше.

Хуа Ваньцин окончательно запуталась. Ей казалось, что она попала в будущее, где успех фильма на фестивалях уже стал историческим фактом.

«Если бы Лу Янь когда-то не бросил Бая, эти двое были бы идеальной парой. Два сапога пара — оба до чертиков уверены в себе».

— Ладно, — вздохнула она. — Попробую еще раз с ними переговорить.

— Что-то еще?

— Да, дел сегодня невпроворот. Менеджер Ли Цючэна выходил на связь. Предлагает состряпать вам липовый роман.

— Что?

— Его аргументация такова: Ли сейчас на пике популярности, его имя поможет твоему триумфальному возвращению, ну и он сам не против еще больше хайпануть на твоём имени. Что думаешь?

— Я? — Бай Муюнь пренебрежительно фыркнул. — Посоветуй ему вытрясти воду из черепной коробки. Глядишь, в этой пустоте и зазвучит мелодия под названием «Закатай губу».

Хуа Ваньцин усмехнулась.

— Ты так и не сказал, чем он тебе не угодил. Раньше отмахивался, но раз он начал так активно напрашиваться в «партнеры», пора бы прояснить ситуацию.

Не то чтобы Бай Муюнь ненавидел Ли Цючэна — тот просто не стоил таких сильных чувств. Бай испытывал к нему лишь брезгливость.

В университете они какое-то время жили в одной комнате в общежитии. У Ли Цючэна тогда случился какой-то сдвиг: он решил, что Бай Муюнь — предел его мечтаний. Его настойчивые ухаживания за Баем были ничем иным, как сексуальным домогательством. Последней каплей стал случай, когда Ли попытался залезть к нему в постель. К несчастью для Ли, Бай успел оценить масштаб его «мужского достоинства» — точнее, его полное отсутствие. После чего Ли Цючэн был избит, а Бай Муюнь съехал на квартиру.

Позже они дебютировали почти одновременно. Бай Муюнь прославился в авторском кино, Ли Цючэн стал звездой молодежных сериалов. Их пути разошлись, но пресса обожала их сравнивать: один университет, один год выпуска, одно общежитие... К тому же команда Ли постоянно пыталась примазаться к славе Бая.

Разумеется, по всем фронтам — от наград до внешности и таланта — Бай Муюнь разносил конкурента в пух и прах. Но был один момент, за который фанаты Ли Цючэна цеплялись мертвой хваткой: происхождение.

Ходили слухи, что Ли — выходец из невероятно богатой и влиятельной семьи, аристократ, который пошел в актеры ради забавы. Его имидж строился на образе «прекрасного принца».

В то же время Бая в прессе то и дело называли «выскочкой», чей аристократизм — лишь маска. Писали, что «гадкий утенок никогда не станет лебедем», а «нищий мальчишка не превратится в принца, как бы ни старался».

Виной всему был случай, когда Бая засняли ночью уличные камеры: он в дешевой одежде с рынка ехал на старом электроскутере за шашлыками. С тех пор за ним закрепился ярлык «человека из народа».

Для Бая это был просто пример неудачной маскировки, но публика пришла в восторг. Появилась целая армия фанатов- «мамочек», которые рыдали над его «трудным детством» и восхищались тем, что, став звездой, он сохранил скромность и бережливость. И как бы Бай ни объяснял, что это была случайность, фанаты лишь умилялись: «Наш кумир такой добрый, он просто не хочет нас расстраивать!»

Поэтому «Маленькие апельсины» (фанаты Ли) и «Облачные паруса» (фанаты Бая) при встрече были готовы вцепиться друг другу в глотки.

Выслушав историю «подвигов» Ли Цючэна, Хуа Ваньцин поморщилась:

— Боже, какой мерзкий тип. В жизни бы не подумала.

— Старайся держать их от меня подальше.

— Это само собой. Но боюсь, он так просто не отвяжется. В прошлом году он снова поймал волну популярности, его фанаты теперь на каждом углу кричат, что он «номер один». Могут пойти в атаку.

— Плевать, — бросил Бай Муюнь.

— Согласна, с нашей командой нам никакой сброд не страшен. Ладно, и последний вопрос на сегодня: тебя засняли вместе с Чу Цзяньцином. Будем выкупать снимки или пусть печатают?

<http://bllate.org/book/18159/1752562>